ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 327.374, 327.56

Константин БОГДАНОВ

ПО ТУ СТОРОНУ ДОГОВОРА РСМД: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ

Аннотация. Распад режима Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД), вызванный выходом из него США, наносит тяжёлый удар по мировой системе контроля над вооружениями. Помимо негативного влияния, которое роспуск соглашения окажет на процесс дальнейшего ограничения и сокращения ядерных вооружений и нераспространения во всём мире, возникают существенные риски обострения военного противостояния непосредственно в Европейском регионе при возможном развёртывании там российских либо американских боевых средств средней и меньшей дальности, прежде запрещённых по договору. Дополнительные осложнения создают новые по сравнению с 1980-ми годами факторы: военно-политический (сдвиг границ НАТО на восток) и военно-технический (создание принципиально новых систем вооружений, в том числе ракетно-планирующих). В такой редакции новый “евростратегический кризис”, единожды возникнув, может протекать в более острой форме, чем это происходило в 1976–1987 гг. При этом, несмотря на распад одного из ключевых режимов в области контроля над вооружениями, стороны сохраняют потенциал для достижения стабилизирующих компромиссов в Европе, которые позволят избежать существенного военно-политического обострения. Важность проблемы потенциальной дестабилизации подталкивает к достижению этих компромиссов, которые в условиях роспуска ДРСМД могли бы сводиться к точечной настройке контрольных режимов *de facto*. Успешное заключение и исполнение неформальных либо юридически не обязывающих договоренностей об отказе либо ограничении развёртывания в Европе наиболее опасных боевых средств средней и меньшей дальности открывают дорогу к их кодификации в новый полномасштабный договор и послужат делу укрепления доверия в евроатлантическом регионе.

© **Богданов Константин Вадимович** – кандидат технических наук, научный сотрудник, Центр международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). **Адрес:** 117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. **E-mail:** cbogdanov@imemo.ru
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019140150>

Ключевые слова: ДРСМД, ракеты средней дальности, ракетно-планирующие системы, Европа, евростратегический баланс, отношения Россия – НАТО, контроль над вооружениями, меры доверия.

Прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД), связанное с выходом США из его режима, ускоряет эрозию мировой системы контроля над вооружениями. Одновременно, в случае возобновления гонки вооружений в этом классе ракетных систем, происходящее может обострить обстановку в ряде регионов планеты. Несмотря на изменившуюся роль региона Восточной Азии в контексте проблемы РСМД, особое внимание, как и в 1980-е гг., следует уделить оценке военно-стратегической ситуации в Европе, непосредственно затрагивающей интересы всех основных действующих игроков предыдущего ракетного кризиса.

Отношение к роспуску ДРСМД среди исследователей колеблется от резко отрицательного [Арбатов, 2018; Thielman et al., 2018] и настороженно-скептического [Pifer, 2017; Савельев, 2018; Richter, 2019] до критической проблематизации режима соглашения в современных условиях и поиска путей по его реконструкции, включая легализацию РСМД в неядерном оснащении [Anthony, 2018]. Последнее, хоть и явно запоздало, но важно, поскольку продолжает концептуальную проработку темы и стимулирует экспертную дискуссию вокруг возможных схем ограничения РСМД в условиях действия новых военно-политических и военно-технических факторов. Взгляды на ДРСМД после распада биполярной системы также развивались и в сторону предложений о его переводе в реальный многосторонний статус¹, однако в 2000-е гг. на этот счёт не было предложено конкретных мер, а в начале 2010-х гг. стороны уже не поднимали эту тему [Bohlen et al., 2012: 3].

Так продолжалось вплоть до обострения конфликта вокруг обвинений России в нарушениях, связанных с крылатой ракетой (КР) 9М729. Однако даже после этого позиция США по ДРСМД оставалась достаточно ровной вплоть до смены администрации в Белом доме в начале 2017 г. До того момента основные претензии выдвигались не к исходной сути договора, а к тому, что, по мнению американской стороны, Россия нарушает его (тем самым утрачивается смысл для США его исполнять). Ещё в 2017 г. американские военные продолжали указывать на то, что все задачи сдерживания могут быть решены внутри ДРСМД за счёт боевых средств иных типов базирования². Выделялся разве что голос советника по национальной безопасности Дж. Болтона, ещё в 2011 г. утверждавшего, что договор сам по себе устарел и не отвечает интересам США [Bolton, DeSutter, 2011]. На данный момент

¹ Формально ДРСМД уже был многосторонним, так как помимо России и США с 1991 г. включал государства-наследники, на чьей территории на момент роспуска СССР оставались соответствующие боевые средства и инфраструктура (Белоруссия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Украина), причём три из них (Украина, Белоруссия и Казахстан) продолжали оставаться участниками Специальной контрольной комиссии договора.

² House Committee on Armed Services, Hearing on Military Assessment of Deterrence Requirements, written testimony of General Paul Selva, March 8, 2017. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-115hhrg24683/html/CHRG-115hhrg24683.htm>.

возобладало мнение, согласно которому сюжет с обвинениями России в нарушении ДРСМД достаточно уместен для снятия с США договорных ограничений.

Официальная позиция, неоднократно излагавшаяся МИД России, состоит в том, что ДРСМД – краеугольный камень международной безопасности и системы контроля над вооружениями, поэтому он должен быть сохранён. Вместе с тем следует отметить, что российское военно-политическое руководство с середины 2000-х гг. неоднократно и публично ставило его практическую ценность под сомнение¹. При этом ещё с конца 1990-х гг. Россия накопила солидный пакет претензий к США, обвиняя их в нарушении ДРСМД.

Таким образом, несмотря на общую внешнеполитическую линию Москвы, направленную на сохранение ДРСМД, очевидно, что и в России его нормы длительное время вызывали как минимум глубокие сомнения у военно-политического руководства.

Архаика и модерн в контроле над вооружениями

Подобной двойственности есть вполне рациональное объяснение. ДРСМД это веховый договор для ядерного разоружения и он до сих пор актуален по содержанию. Однако в современных условиях его следует признать устаревшим по форме, что критично для юридически обязывающих норм. Причём эта архаичность носит комплексный характер, связанный с историей и предпосылками формирования договора, с трансформацией военно-политических факторов за 30 лет его существования и с произошедшими за это время военно-техническими изменениями.

ДРСМД возник как решение локальной двухсторонней проблемы, начавшей выходить из-под контроля из-за некомпенсируемого влияния американских боевых средств театра военных действий – баллистических ракет средней дальности (БРСД) Pershing II на устойчивость стратегических ядерных сил СССР и его систему боевого управления. Безусловно, верна и американская точка зрения, согласно которой к тому моменту стратегическое равновесие в Европе уже было нарушено за счёт активного развёртывания советских БРСД “Пионер”, стартовавшего в 1976 г. Но она не отменяет того факта, что появление “першингов” в ФРГ в 1983 г. не стабилизировало, а лишь дополнительно раскачало ситуацию, переведя масштаб проблемы из региональной в глобальную – за счёт возможности быстрого и высокоточного ядерного удара по объектам в глубине европейской части территории СССР [Hines, 1995: 155; Квицинский, 1999: 348].

В силу исторически сложившейся логики переговорного процесса ДРСМД был придан всеобщий характер (схема “двойной глобальный ноль”: полное уничтожение ракет как средней, так и меньшей дальности, имевшихся в

¹ Подобные заявления делали Президент РФ В. Путин (неоднократно) и министр обороны С. Иванов. См.: Соловьев В. Разведка словом // Коммерсантъ. 2007. № 26 (3602); Обама не смог убедить Путина пойти на новые ядерные сокращения. РИА Новости. 19 июня. 2013. URL: <https://ria.ru/20130619/944483332.html>; Путин назвал договор о РСМД односторонним разоружением СССР. Интерфакс. 18 дек. 2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/642898>.

распоряжении сторон), хотя в процессе подготовки рассматривались и другие варианты. Они включали, в частности, ограничение зоны действия договора только территорией Европы с установлением равных потолков по РСМД в остальных регионах [Ахромеев, Корниенко, 1992: 110], а также возможность ограниченного развёртывания только КР, признававшихся менее дестабилизирующими, чем БРСД [Квицинский, 1999: 373; Bohlen et al., 2012: 11].

Впоследствии это отразилось и на самих странах-участницах. С 1990-х гг. в Азии начался подъём новых ракетно-ядерных держав: Индии и Пакистана. Создавали ракеты средней дальности Израиль (который, как считается, обладает ядерным оружием) и Иран (который им не обладает, но активно развивал ядерный научно-производственный комплекс, постепенно превращаясь в подпороговую страну). Наконец, Китай начал коренную технологическую модернизацию своих ракетных войск, создав принципиально новые типы мобильных высокоточных БРСД, в том числе и в неядерном оснащении.

Если прагматично смотреть на ДРСМД как на инструмент решения конкретной проблемы периода холодной войны (снижения вероятности глобальной ядерной войны из-за эскалации в Европе), то он, выполнив эту задачу, в определённой степени лишил сверхдержавы гибкого инструмента сдерживания в отношении третьих стран [Надточей, 2019]. Это не имело бы значения, если бы общий вектор международных усилий с конца 1990-х гг. по-прежнему был бы направлен на всеобъемлющее ядерное разоружение. Вместо этого разоружение сверхдержав сопровождалось укреплением ракетно-ядерных потенциалов Китая (качественным, на уровне новых технологий), Индии и Пакистана (как качественным, так и количественным), а заодно и бурным развитием ракетных потенциалов в государствах, стоящих на пороге обретения ядерного оружия (Иран). С 2000-х гг. возник и ракетно-ядерный фактор КНДР – после демонстративного выхода Пхеньяна из режима Договора о нераспространении ядерного оружия и активизации разработки БР большой дальности.

ДРСМД не делал различия между ракетами в обычном и ядерном оснащении, блокируя для США и России путь к созданию неядерных высокоточных средств, аналогичных тем, что уже около 20 лет активно развивает Китай.

Продолжавшееся после 1987 г. сокращение наступательных потенциалов сверхдержав и усложнение контекста стратегической стабильности за счёт развития средств ПРО и высокоточного оружия только усугубляли эту ситуацию. При этом ДРСМД заключался как бессрочный и потому навсегда зафиксированный по положениям, без возможности гибко “перезагрузить” режим. (Если не считать механизма Специальной контрольной комиссии “для повышения эффективности и жизнеспособности” соглашения – без описания мандата и процедуры внесения существенных правок в его текст.)

Наконец, следует отметить давление, которое на ДРСМД оказывал военно-технический прогресс. Одним из наиболее перспективных направлений развития боевых средств средней дальности является создание так называемых ракетно-планирующих систем (ракетных комплексов с планирующими крылатыми блоками). Этот вид вооружений не попадает ни под определение БР, ни под определение КР в соответствии с принятой терминологией ДРСМД (а заодно и

договоров СНВ)¹. Причём подобная ситуация фиксировалась экспертами ещё при заключении ДРСМД [The INF Treaty..., 1988: 2], однако на тот момент, в условиях запуска масштабного двухстороннего ядерного разоружения, эта “брешь” считалась абстрактной. Она не волновала стороны из-за отсутствия серьёзного научно-технического задела для быстрого создания таких вооружений и политической воли для их развёртывания.

В Москве и Вашингтоне начали накапливаться сомнения и даже мотивация к реваншу в области боевых средств средней дальности [Bolton, DeSutter, 2011; Надточей, 2019]. Это не могло не повлиять на климат, сложившийся вокруг договора, особенно вокруг процедуры разрешения мнимых и реальных противоречий сторон, в конечном итоге разваливших соглашение.

Таким образом, сложилась ситуация, в которой сохранение ДРСМД, даже если стороны были бы к этому готовы политически, было возможно только в форме существенной модернизации текста соглашения. По сути, речь уже должна была идти о заключения принципиально нового договора, который, основываясь на целеполагании и методической базе ДРСМД, учитывал бы весь комплекс изменившихся условий.

Однако “мирная” трансформация ДРСМД в новое соглашение в условиях низкого уровня доверия между Москвой и Вашингтоном была едва ли возможна. В результате происходит разрушение договора явочным порядком с целью развязать себе руки в новых условиях, когда основы системы международной безопасности (и системы контроля над вооружениями как её неотъемлемой части) подвергаются всё более глубокой ревизии.

Возвращение “першингов”?

Изложенное выше почти автоматически диктует и набор военно-политических сценариев для Европы. Поскольку ДРСМД в основе своей решал конкретную региональную проблему, то и степень возможного обострения обстановки в регионе от Атлантики до Урала можно оценивать в зависимости от того, где и как именно прежде связанные договором стороны начнут развёртывать ранее запрещённые системы (если начнут).

Для начала возникнет небольшая (в пределах нескольких лет) естественная пауза, связанная с необходимостью провести и завершить соответствующие НИОКР и испытания нового вооружения. В случае с КР этот срок сравнительно невелик для обеих стран в связи с готовностью основных компонентов. Весь процесс сведётся к размещению уже отработанных КР морского и/или воздушного базирования на мобильных наземных пусковых установках. Для БРСД придётся

¹ Баллистической считается ракета, у которой большая часть траектории носит баллистический характер, в то время как у ракетно-планирующей системы это аэродинамическое скольжение планирующего блока в атмосфере. При этом такой блок нельзя считать и КР, так как он не оснащается маршевой двигательной установкой. Подробнее см.: [Scheber et al., 2012: 32].

провести более длительный и затратный процесс разработки¹. Ещё более сложным будет создание ракетно-планирующих систем, представляющих собой передовой край современных военных технологий.

Инерционный сценарий с усилением американского потенциала РСМД в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в силу специфики данной работы, подробно рассматриваться не будет. Заметим лишь, что это наиболее удобный сценарий для России и других европейских государств (исключая вариант с сохранением режима ДРСМД если не *de jure*, то *de facto*).

Появление в Европе новых дозвуковых КР наземного базирования (вне зависимости от типа оснащения), безусловно, увеличит уровень военной напряженности между Россией и НАТО. Заметим, что, несмотря на опасность размещения таких боевых средств в Европе (особенно в восточной её части) для критически важных объектов в России, их воздействие на стратегическую стабильность, хотя и заметное, будет носить всё же ограниченный характер даже в ядерном оснащении и вряд ли приведет к по-настоящему крупному военно-политическому кризису. Кроме того, ряд специалистов [Pifer, 2017: 5] указывают на возможность в таком случае обойтись без наземных средств за счёт наращивания в Европе группировки КР воздушного и морского базирования (что не улучшит обстановку, но и не внесёт в неё принципиально нового фактора).

Таким образом, наземные КР в Европе не создают принципиально новой военно-стратегической ситуации. Вместе с тем в ряде случаев при обострении обстановки резкую эскалацию могут вызвать упреждающие удары по пусковым установкам таких ракет. Высокую опасность могут представлять гиперзвуковые КР, но их разработка пока находится на ранней стадии.

Наибольшее беспокойство вызывает повторный сценарий с развёртыванием в Европе БРСД. Однако в этот раз ситуация может быть дополнительно осложнена.

Во-первых, необходимо реалистически оценить районы развёртывания. Вероятным выглядит размещение в восточной Европе – скорее всего в Польше, в Румынии либо даже в Прибалтике. Связано это как с готовностью этих стран пойти навстречу возможной американской инициативе², так и с очевидным сопротивлением стран – членов НАТО из западной и центральной Европы, которое

¹ По крайней мере, это верно для США, где такие работы даже не санкционированы Конгрессом. В России, однако, в 2016 г. завершена разработка ракеты РС-26 (“Рубеж”), которую западные специалисты полагают фактической ракетой средней дальности, несмотря на то, что на её испытаниях был продемонстрирован полет на 5800 км, юридически однозначно переводящий её в класс межконтинентальных [Schneider, 2014: 9–18]. Заметим, что с точки зрения временных и ресурсных затрат на разработку БР меньшей дальности (до 1000 км) и более компактных и дешёвых средств средней дальности Россия и США находятся в равных условиях.

² Соответствующее заявление министра иностранных дел Польши Я. Чапутовича о готовности разместить у себя американское ядерное оружие уже успело вызвать международный скандал, потребовавший официального опровержения со стороны Варшавы. См.: Polens Außenminister für US-Atomwaffen in Europa. Der Spiegel. 2019. 01 Feb. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/inf-abkommen-polnischer-aussenminister-fordert-us-atomraketen-in-europa-a-1251157.html>.

в этот раз может оказаться куда сильнее, чем в начале 1980-х гг. [Kühn, Péczeli, 2017: 87].

В отличие от размещения КР, при размещении БРСД в восточной Европе зона российской территории, попадающая под удар с малым подлётным временем, серьёзно увеличится в сравнении с ситуацией 1980-х гг., а возможный ущерб системе командования и боевым средствам российских стратегических ядерных сил будет оцениваться как существенно более высокий. В этом случае “обезглавливающий” (контрэлитный) удар из политико-пропагандистской страшилки того времени может превратиться в реальность.

Во-вторых, активно ведётся разработка оружия, дестабилизирующие свойства которого куда выше, чем у “першингов” начала 1980-х, – ракетно-планирующих систем. Связано это с куда большей манёвренностью боевых блоков, что резко осложняет перехват противоракетами. Планирующие крылатые блоки управляются в полёте после расщепления с ускорителем (более половины траектории, в ряде случаев – подавляющая её часть) и всё это время могут маневрировать по курсу и высоте. Это в том числе создаёт так называемую “неоднозначность цели”: по характеру движения даже обнаруженного планирующего блока не всегда можно понять его реальную цель, в отличие от боевых блоков БР.

Более того, профиль полёта таких блоков сравнительно низок. Так, у Pershing II максимальная высота траектории составляла 300 км, а основная часть полёта планирующего блока проходит в атмосфере на высоте 40–60 км. В результате их обнаружение наземными радарными раннего предупреждения возможно лишь в последний момент, когда уже не будет возможности провести весь цикл боевого управления, связанный с нанесением ответно-встречного удара [Acton, 2015: 2–4].

Переход к запуску ответно-встречного удара лишь на основании сигнала высокоорбитального спутникового эшелона, засекающего факелы двигателей стартующих ракет (до подтверждения факта ракетного нападения наземными радарными) также возможен, но это резко увеличивает риски непреднамеренного начала ядерной войны из-за технических сбоев и ошибок интерпретации [Арбатов, 2019].

Таким образом, создается реальная опасность уже не эскалации внутри театра военных действий, а создания условий для нанесения ущерба стратегическим ядерным силам России и инфраструктуре боевого управления. Меры противодействия потребуют достаточно длительного создания и дорогостоящего масштабного развёртывания низкоорбитального спутникового эшелона, а также существенных вложений в перестройку систем боевого управления для повышения их живучести.

Серьёзным может быть и ответный сдвиг в российской ядерной доктрине. Так, возможен отказ от ставки на ответно-встречный ядерный удар и перенос акцента на упреждающий удар, призванный уничтожить опасные боевые средства противника до того, как они будут введены в действие (на основании набора признаков подготовки ракетного нападения) [Есин, 2018]. Последствия подобного доктринального сдвига для ситуации в Европе, как и для двухсторонней российско-американской стратегической стабильности, будут откровенно разрушительны.

Заметим, что оба отягчающих фактора (сокращение числа признаков ракетного нападения при запуске ответно-встречного удара и склонность к упреждающим ударам в кризисной обстановке) будут действовать вне зависимости от типа оснащения, поскольку модульное исполнение боевых частей не позволяет надежно исключить установку ядерных боезарядов на официально неядерных боевых средствах, а надёжного способа различения ядерной и неядерной систем после старта и до прихода в цель не существует. Эта логика в 1987 г. была отражена и в тексте ДРСМД, не введя различия ликвидируемых средств по типу оснащения.

Кроме того, следует учитывать влияние неядерного высокоточного оружия на стратегическую стабильность, на что неоднократно указывали российские [Мясников, 2009; Анин, 2011; Кокошин, 2013] и китайские [Zhao, 2011] специалисты. В сочетании с “неопределённостью цели” это не позволяет говорить о меньшем дестабилизирующем влиянии неядерных ракетно-планирующих систем передового базирования в сравнении с ядерными (“неопределённость оснащения”).

С учётом перечисленных выше отличий, развёртывание таких вооружений в Восточной Европе способно породить полномасштабный военно-политический кризис. Можно было бы выразить осторожную надежду на то, что удачное прохождение такого кризиса отрезвило бы элиты обеих стран, перезапустило бы процесс диалога о наступательных вооружениях и дало бы импульс воссозданию системы контроля над ними – как это случилось в 1960-е гг. после Карибского кризиса и в конце 1980-х гг. после “евростратегического кризиса”. Однако никаких положительных гарантий подобная шоковая терапия дать не может, а кажущаяся успешность разрешения Карибского кризиса вполне может оказаться “ошибкой выжившего”.

Хижины на руинах дворцов

Таким образом, высокую актуальность приобретает изучение возможных форм стабилизации ситуации.

Сборка полноценного нового договора на замену ДРСМД всё ещё теоретически возможна, но её следует признать крайне маловероятной. Двухсторонние отношения находятся на низком уровне. Кроме того, следует учитывать и практически нулевую вероятность вовлечения в соглашение третьих стран. Идея привлечения Китая в режим ДРСМД регулярно возникала в публичной повестке, в первую очередь стараниями американских официальных лиц, однако Пекин до сего момента не демонстрировал заинтересованности в каком бы то ни было подключении к действующим режимам ограничения и сокращения наступательных вооружений, а также связанным с ними мерам доверия. Что касается Индии и Пакистана, то эти страны вряд ли пойдут на ограничения боевых средств, составляющих основу их ракетно-ядерного потенциала.

Тем не менее и в условиях роспуска ДРСМД существует довольно широкое поле возможностей для достижения двухсторонних стабилизирующих компромиссов. Для США европейский театр не является приоритетным полем развёртывания новых РСМД. Россия же находится в положении обороняющейся

стороны, уступающей НАТО в силах общего назначения и особенно в высокоточном оружии. Безусловно, компромиссы, скорее всего, не удастся оформить в юридически обязывающий документ, и они коснутся лишь частных, но наиболее острых вопросов.

Так, наибольший интерес с точки зрения сохранения стабильности вызывают взаимные гарантии неразвёртывания в Европе определённых боевых средств в соответствии с реальной степенью их дестабилизирующего воздействия (БРСД и ракетно-планирующие системы средней дальности). Также речь может пойти о мерах по ограничению объёмов и районов развёртывания прочих ракетных комплексов, которые в порядке взаимных компромиссов могут быть признаны условно допустимыми (КР и оперативно-тактические ракеты).

В последнем случае сразу возникнет гораздо более широкий и сложный вопрос о контроле в Европе над неядерным высокоточным оружием любого типа базирования и дальностью более 400–500 км. С учётом изменений в военных технологиях, прошедших с 1980-х годов, вклад этих боевых средств в общий наступательный потенциал существенно вырос. Поэтому новый эффективный контрольный режим, который мог бы сменить фактически прекративший действовать режим Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), обязан учитывать и ограничивать возможность их массированного применения, в первую очередь – из состояния мирного времени, без дополнительного развёртывания и перегруппировки, заметного национальным техническим средствам контроля. Меры доверия в отношении наземных РСМД могли бы стать ступенью к началу диалога и по этому вопросу, имеющему важное значение для безопасности в Европе.

Проблемой может стать и возможная увязка с вопросом о российском и американском тактическом ядерном оружии (ТЯО). Учитывая особое внимание, которое уделяется этим видам вооружений как в США, так и в России, следует ожидать попыток собрать в пакет вопрос о средствах средней дальности и ТЯО в Европе. Это усложнит решение задачи, но вместе с тем предоставит и шанс увеличить взаимную прозрачность в этой области, например, путём начала обмена официальными сведениями о численности и составе арсеналов ТЯО.

Рамочные декларации об отказе от размещения соответствующих боевых средств в Европе могли бы принять формат совместных согласованных заявлений. Конкретные наборы военных мер доверия могут быть также исполнены и в логике односторонних параллельных президентских инициатив, как это было сделано в 1991–1992 гг. в вопросе о понижении оперативного статуса ТЯО и его последующей частичной ликвидации.

В том случае, если подобные схемы договоренностей покажут свою жизнеспособность и эффективность в деле понижения военно-политического напряжения и укрепления доверия в Европе, то в дальнейшем, после определённой нормализации отношений США и России, они могут естественным образом послужить основанием для кодификации зарекомендовавших себя норм в режиме нового соглашения о РСМД.

Список литературы

Современная Европа, 2019, №4

Анин А.И. (2011) Влияние стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении на стратегическую стабильность, *Мировая экономика и международные отношения*, № 6, с. 45–55.

Арбатов А.Г. (2018) Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности? Московский центр Карнеги, 22 окт. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77543> (дата обращения: 21.04.2019).

Арбатов А.Г. (2019) Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза. Московский центр Карнеги. 28 янв. URL: <https://carnegie.ru/2019/01/28/ru-pub-78209> (дата обращения: 21.04.2019).

Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. (1992) *Глазами маршала и дипломата*, Международные отношения, Москва, Россия.

Есин В.И. (2018) Интервью с О. Одноколенко для еженедельника “Звезда”. 8 нояб. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaAI.html> (дата обращения: 21.04.2019).

Квицинский Ю.А. (1999) *Время и случай: Заметки профессионала*, ОЛМА-Пресс, Москва, Россия.

Кокошин А.А. (2013) *Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности*, Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Мясников Е.В. (2009) “Контрсилы: потенциал высокоточного оружия” в кн.: А. Арбатов, В. Дворкин (ред.) *Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры*, Московский Центр Карнеги, РОССПЭН, Москва, Россия, с. 105–128.

Надточей Ю.И. (2019) Российско-американский договор РСМД и проблема третьих стран, *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 3 (591), с. 5–22.

Савельев А.Г. (2018) “Договор о ракетах средней и меньшей дальности и стратегическая стабильность” в кн.: А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова (ред.) *Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности*, ИМЭМО РАН, РОССПЭН, Москва, Россия, с. 32–40.

References

Acton J. (2015) *Supplement to Hypersonic Boost-Glide Weapons*, pp. 2–4, available at: http://scienceandglobalsecurity.org/archive/sgs23acton_app.pdf. (accessed: 21 Apr 2019)

Akhromeev S.F. and Kornienko, G.M. (1992) *Glazami marshala i diplomata* [From the Viewpoint of the Marshal and the Diplomat], Mezhdunarodnye otnosheniia, Moscow, Russia.

Anin A.I. (2011) Influence of Strategic Offensive Armaments in Non-Nuclear Outfit on Strategic Stability, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], no. 6, pp. 45–55.

Anthony I. (2018) *Dead Man Walking: Time to Put the INF Treaty to Rest?*, International Centre for Defence and Security, Tallinn, Estonia.

Arbatov A.G. (2018) The Danger of Withdrawing From the INF Treaty, *Carnegie Moscow Center*, 22 Oct., available at: <https://carnegie.ru/commentary/77543> (accessed: 21 Apr 2019).

Arbatov A.G. (2019) The Role of Nuclear Deterrence in Strategic Stability. Warranty or Threat, *Carnegie Moscow Center*, 28 Jan, available at: <https://carnegie.ru/2019/01/28/ru-pub-78209> (accessed: 21 Apr 2019).

Bohlen A., Burns W., Pifer S. and Woodworth J. (2012) ‘The Treaty on Intermediate-Range Nuclear Forces: History and Lessons Learned’, Brookings Arms Control Series, Paper 9, available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/30-arms-control-pifer-paper.pdf> (accessed: 21 Apr 2019).

Bolton J. and DeSutter P. (2011) A Cold War Missile Treaty That's Doing Us Harm, *The Wall Street Journal*, 15 Aug, available at:

<https://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903918104576500273389091098> (accessed: 21 Apr 2019).

Esin V.I. (2018) An interview with O. Odnokolenko. “Zvezda”. 8 Nov, available at: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaAI.html>. (accessed: 21 Apr 2019).

Hines J.G. (1995) 'Soviet Strategic Intentions 1965–1985: An Analytical Comparison of U.S. Cold War Interpretations with Soviet Post-Cold War Testimonial Evidence', Ph.D. thesis, Edinburgh University, Edinburgh, UK.

Kokoshin A.A. (2013) *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [The Politico-Military and Military-Strategic Issues of Russian National Security and International Security], Vysshaia shkola ekonomiki, Moscow, Russia.

Kühn U. and Péczeli A. (2017) Russia, NATO, and the INF Treaty, *Strategic Studies Quarterly*, vol. 11, no. 1, pp. 66–99.

Kvitsinskii Iu.A. (1999) *Vremia i sluchai: Zametki professionala* [Time and Occasion: The Notes of Professional], OLMA-Press, Moscow, Russia.

Miasnikov E.V. (2009) "The Counterforce Capability of Precision-Guided Weapons", in: A. Arbatov, V. Dvorkin (eds.) *Iadernoe rasprostranenie. Novye tekhnologii, vooruzheniia i dogovory* [The Nuclear Proliferation. A New Technologies, Weapons and Treaties], ROSSPĖN, Moscow, Russia, pp. 105–128.

Nadtochei Iu.I. (2019) The Russian-American INF Treaty and the Issue of Third Countries, *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [The U.S. and Canada: Economy, Politics and Culture], no. 3 (591), pp. 5–22.

Pifer S. (2017) The Future of U.S.-Russia Nuclear Arms Control. AIP Conference Proceedings 1898, 020001, available at: <https://aip.scitation.org/doi/pdf/10.1063/1.5009206> (accessed: 21 Apr 2019)

Richter W. (2019) *The End of the INF Treaty is Looming*, SWP Comment No. 4, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, Germany.

Savel'ev A.G. (2018) "The INF Treaty and Strategic Stability" in: A.G. Arbatov, N.I. Bubnova (eds.), *Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniiami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoi stabil'nosti* [Security and Arms Control 2017–2018: Overcoming the Imbalance in International Stability], IMEMO RAN, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 32–40.

Scheber T., Schneider M., Trachtenberg D. and Guthe K. (2012) *Conventional Prompt Global Strike: A Fresh Perspective*, National Institute for Public Policy, Fairfax, VA, USA.

Schneider M. (2014) *Confirmation of Russian Violation and Circumvention of the INF Treaty*, National Institute for Public Policy, Fairfax, VA, USA.

State Department Fact Sheet (2001) State Department on 1987 INF Missile Treaty. Washington: DC.

Thielman G., Meier O. and Mizin V. (2018) INF Treaty Compliance: Path to Renewal or the End of the Road?, *Deep Cuts Issue Brief No. 8*, Hamburg: Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik der Universität Hamburg.

The INF Treaty: Analysis and Comment. (1988) CIA-RDP89G01321R000800060004-5. FOIA, available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP89G01321R000800060004-5.pdf> (accessed: 21 Apr 2019)

Zhao T. (2011) Conventional Counterforce Strike: An Option for Damage Limitation in Conflicts with Nuclear-Armed Adversaries?, *Science & Global Security*, vol. 19, p. 195–222.

Behind the INF Treaty: Military and Political Effects for Europe

Author: Bogdanov K., Candidate of Sciences (Engineering), Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. **Address:** 23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** cbogdanov@imemo.ru

Abstract. The U.S. withdrawal from INF Treaty will cause significant damage to global arms control system. Besides negative effects on nuclear disarmament and nonproliferation in the world, there will be significant risks of exacerbating the military confrontation in Europe due to potential deployment of medium- and short-range strike capabilities, which were previously prohibited by the INF treaty. The new factors create additional complications compared with the 1980s: the NATO enlargement to the east and the develop-

ment of fundamentally new weapons, especially hypersonic boost-glide systems. A new “Eurostrategic crisis,” once having arisen, may become more severe. At the same time, despite the collapse of the key arms control regime, the parties retain the potential to reach stabilizing compromises in Europe which will allow to avoid a significant military and political confrontation. The importance of possible destabilization defines the motivation to reach these compromises. Successful conclusion and execution of informal or legally non-binding agreements on refusal or limiting the deployment of the most dangerous medium- and short-range strike capabilities in Europe would open the way to their codification into a new full-scale treaty and would serve to strengthen confidence in the Euro-Atlantic region.

Key words: INF Treaty, intermediate-range missiles, boost-glide vehicles, Europe, eurostrategic balance, NATO–Russian relations, arms control, confidence-building measures.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019140150>